

Ф. СТЕПУН

Русские мыслители

Г. С. Сковорода Вл. Эрн

К-во «Путь». 1912 г. 342 стр. Цена 2 р.

За монографиями книгоиздательства «Путь»¹ надо признать одно большое достоинство. Это не случайные книги случайных авторов о случайных мыслителях, — это одно целое дело; упорная проповедь вполне определенного и в своих корнях по крайней мере единого миросозерцания. Не соглашаясь с миросозерцанием «Пути», мы, однако, не оспариваем его. Миросозерцание каждого человека зависит от того места в мире, с которого он поставлен глядеть на этот мир. Оспаривать миросозерцание человека означает потому всегда совершенно непосильную для философии попытку сместить этого человека с его жизненной позиции.

Но если философия не в силах оспаривать чье бы то ни было миросозерцание, т. е. ту перспективу, в которую жизнь каждого человека принуждает его взять смысл и бытие мира, то она, во всяком случае, вполне компетентна высказать свое суждение о том рациональном процессе, который превращает миросозерцание человека в его миропонимание, т. е. творит философию как знание.

И вот должно отметить, что этот процесс, ведущий от миросозерцания человека к его миропониманию, «обставлен» в «Пути» крайне слабо; слабо и с логической и научно-исторической точки зрения. В моих прежних рецензиях я старался доказать правильность такого моего суждения в отношении монографии Бердяева и Аскольдова². Теперь мне приходится указать на вполне аналогичное явление в работе Вл. Ф. Эрн.

Начинается работа Эрн с выяснения его точки зрения на русскую философию и на метод ее изучения. Тут снова высказываются те же мысли, которые г. Эрн высказывал уже не раз.

Русская философия существенно «логична». Наследница античной и средневековой мысли, она в корне противоположна «рационализму» новой западной философии. Сущность рационализма Эрн видит во всесторонней срединности, в принципиальной посредственности. «Ratio — это среднее арифметическое между разумами всех людей». Рационализм есть двойное отречение от высот Небес и глубин Земли. А потому срединная рационалистическая философия равно чужда как поэтическому вдохновению, так и вершинам религиозного познания. Основными моментами в развитии рационализма Эрн считает Декарта, Канта и Гегеля.

Что вся концепция глубоко ошибочна, мы здесь доказывать не будем. Каждому трезвому и хотя бы только несколько осведомленному читателю само собою ясно, что ratio Канта и Гегеля (поскольку вообще можно о высшем философском принципе кантианства и гегелианства говорить как о ratio) отнюдь не есть «среднее арифметическое между разумами всех людей». Равно известно каждому и то, что все развитие «рационализма» от Канта до Гегеля свершалось отнюдь не путем полного разрыва философии с поэзией и религиозною мыслью, но, наоборот, в теснейшей связи с той и с другой. О чем свидетельствуют Шиллер, бр. Шлегель, Новалис, Гете, Шлейермахер и Шеллинг. Конечно, я говорю общие места, конечно, я говорю лишь то, что и сам Эрн прекрасно знает. Но ведь и говорю я о них не потому, что думаю, что Вл. Ф. Эрн их не знает, а лишь потому, что уверен, что он их не хочет знать.

Совершенно также произвольны рассуждения Эрна и о методе исторического исследования. Говоря кратко, они сводятся к следующему: каждый историк бессознательно, но неминуемо привносит к разрабатываемому им материалу свою точку зрения. Лишь в ее субъективном свете данные прошлого времени становятся вообще историческим материалом. А потому лучшее, что может сделать историк, это осознать свой субъективизм, свою «точку зрения», и сознательно положить ее в основу своей научной деятельности. Конечно, проблема объективности исторического познания, — проблема крайне трудная, сказать о ней что-либо в рецензии — совершенно невозможно. Но одно, думаю, все-таки ясно. Решать ее не только так, но даже только в том направлении, в котором ее решает Эрн, — решительно невозможно. Следующая, конечно, шаржированная, параллель вскрывает, как мне кажется, всю невозможность. Все люди бессознательно грешат. А потому лучшее, что они могут сделать, — это осознать свой грех и положить его в основу сво-

ей моральной деятельности. Едва ли такое рассуждение убедительно!

В чем же, однако, дело? Почему Вл. Ф. Эрн всюду и всегда творит произвол. Мне кажется, что причину надо искать в том, что сила убежденности Эрна в правде интуитивизма отнюдь не соответствует глубине и широте его интуиции.

Все оговоренные недостатки не помешали, однако, Вл. Ф. Эрну написать в общем очень хорошую монографию о Сковороде. Конечно, нарочитая подостланность всего изложения философии Сковороды философией самого Эрна исказила несколько образ украинского мудреца и сняла остроту некоторых проблем его жизни и мысли. Так, например, «оправославив» Сковороду, Эрн должен был окрестить очень острую для Сковороды проблему вечности зла и материи «метафизическою нелепостью», должен был превратить один из наиболее сложных и запутанных узлов всей философской концепции Сковороды в простое недоразумение (с систематической точки зрения), в «упрямую волю», в самоутверждающийся антицерковный индивидуализм (с точки зрения психологической) (с. 262—266).

Но все же монография хорошо продумана, последовательно изложена, написана живым языком и овеяна безусловно большой любовью к Сковороде, образ которого воспринят, быть может, и не совсем центрально, но, без сомнения, целостно.

